

Некоторые строки
нельзя читать вслух.

Их можно только
нарушить.

РУССКАЯ
ЛИТЕРАТУРА

ЗАПРЕТНАЯ *строка*

иногда правила
созданы, чтобы их нарушать

18+

Валерия Горелько

Запретная строка

<https://litres.ru/74359799>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она - преподаватель, которая знает всё о книгах и ничего о самой себе.

Он - студент, у которого за спиной больше, чем он показывает.

Их тянет друг к другу с первой минуты. С каждой парой становится труднее делать вид. С каждой случайной встречей труднее дышать. Она запрещает себе думать о нём. Он не даёт ей забыть.

Между ними то, за что выгоняют, осуждают и уничтожают репутацию. То, о чём не говорят вслух. То, что сжигает изнутри.

Они знают, что это неправильно.

Именно поэтому они не могут остановиться.

Но никто не знает, почему именно он оказался в её группе.

И к чему приведет это сладострастное искушение плодом запретной любви.

Содержание

Глава 1. ДДТ - А что такое осень	4
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Валерия Горелько

Запретная строка

Глава 1. ДДТ - А что такое осень

Сентябрь всегда приходил слишком самоуверенно. Будто после трёх месяцев жары, бессмысленных отпусков, ночных разговоров на балконах и обещаний начать новую жизнь он действительно имел право появиться в городе и сказать:

«Ну что, детишки, а вот и Джонни.»

Я лежала в кровати, щурясь от солнца, которое настойчиво пробивалось сквозь тонкие шторы, и пыталась вспомнить, в какой момент согласилась снова стать взрослым человеком. Где-то между августом и понедельником, очевидно.

Телефон зазвонил во второй раз. Я вытянула руку из-под одеяла, нащупала его на тумбочке и выключила будильник. На экране было восемь утра. Я закрыла глаза. Восемь утра. Слишком раннее время для существования. Особенно для существования осмысленного.

- Если я не встану, - сказала я в потолок, - технически университет всё равно будет существовать.

Я перевернулась на спину и ещё несколько секунд смотрела вверх.

Белая краска у окна чуть потрескалась. В углу, возле

люстры, была тонкая тень, которую я всё собиралась закрасить уже третий месяц. На подоконнике стояла кружка, оставшаяся с вечера, и книга, которую я читала перед сном.

Книга лежала раскрытой страницами вниз. Профессиональный позор. Если бы кто-нибудь из моих коллег увидел, как преподаватель литературы обращается с книгами, меня могли бы лишить права читать. Хотя, если честно, иногда мне казалось, что это было бы гуманнее.

Особенно в сентябре.

Особенно в понедельник.

Особенно в первый день нового семестра.

Я села на кровати. За окном город уже жил своей жизнью.

Кто-то сигналил. Где-то хлопнула дверь машины.

Женщина во дворе громко звала ребёнка, который, судя по её интонации, уже успел разрушить либо собственную жизнь, либо хотя бы клумбу. Яркое, слишком летнее солнце заливало комнату.

Сентябрь ещё не успел стать осенью. Он пока только при-
творялся.

Я встала. Холодный пол под ногами окончательно убедил меня, что жизнь - это череда неприятных ощущений, между которыми иногда дают кофе. На кухне я поставила чайник. Потом передумала и включила кофеварку. Некоторые решения всё-таки не стоит доверять настроению. Пока кофе медленно наполнял кухню запахом, я подошла к окну. Город выглядел почти красивым. Именно почти.

Красота города всегда зависела от времени суток. Утром он ещё не успевал устать от людей. Машины не стояли в бесконечных пробках.

Люди не выглядели окончательно разочарованными. Даже серые дома иногда казались чем-то большим, чем просто серыми домами.

Солнце умело обманывать. Оно вообще было очень талантливым в этом отношении. Заливало светом старые стены, грязные окна, разбитый асфальт, и всё внезапно становилось терпимым. Иногда я завидовала ему. Мне тоже хотелось уметь делать вид, что всё выглядит лучше, чем есть на самом деле.

Я работала преподавателем литературы уже четвёртый год. Когда-то мне казалось, что к двадцати семи годам человек обязан иметь хотя бы приблизительное представление о собственной жизни. К двадцати семи, думала я в двадцать, у меня будет работа. Квартира. Любимый человек. Понимание того, куда я иду. Возможно, собака.

Собака почему-то особенно часто фигурировала в моих планах на счастливое будущее.

В итоге к двадцати семи у меня была работа, съёмная квартира и способность безошибочно определять, кто из студентов прочитал книгу, а кто посмотрел пересказ на видео. Собаку я так и не завела.

Любимого человека тоже. Зато у меня была коллекция кружек, две полки с книгами, привычка пить кофе после ше-

сти вечера и сосед сверху, который каждую субботу начинал ремонт ровно в девять утра. Я считала это стабильностью. В современном мире нельзя быть слишком требовательной.

Я открыла шкаф. Долго смотрела на одежду. Потом достала белую рубашку. Положила обратно. Достала чёрную. Посмотрела на неё.

- Нет.

В конце концов выбрала светлую рубашку и тёмные брюки. В университете преподавателю моего возраста приходилось выглядеть особенно убедительно. Если ты мужчина, тебе достаточно надеть очки, нахмуриться и говорить чуть медленнее обычного.

Если ты женщина двадцати семи лет, тебе приходилось ежедневно доказывать, что ты не староста группы, не аспирантка и не случайная девушка, которая зашла в аудиторию не в ту дверь.

Я не любила, когда студенты удивлённо спрашивали:

- А вы будете у нас преподавать?

Особенно когда отвечала:

- Нет. Я просто люблю заходить в университетские аудитории и раздавать людям задания.

Однажды я действительно так сказала. После этого студент больше ничего не спрашивал. Иногда сарказм был полезнее педагогического образования.

Я вышла из дома около девяти. До университета можно было доехать за пятнадцать минут. Но в такие дни я предпо-

читала идти пешком. Мне нравилась дорога. Нравилось, что между домом и работой существовало двадцать пять минут, в течение которых я никому ничего не должна. Никто не задавал вопросов. Не просил объяснить, почему герой поступил именно так. Не говорил, что «не успел прочитать». Не смотрел на меня глазами человека, который надеялся, что я поставлю ему зачёт исключительно из-за трагического выражения лица.

Утро было тёплым, а я шла медленно. Город пах кофе, нагретым асфальтом и чем-то ещё: тем особенным запахом ранней осени, который появляется раньше, чем сами жёлтые листья. Деревья пока оставались зелёными. Только кое-где среди листвы уже появлялись первые жёлтые пятна. Будто осень осторожно пробовала город на вкус. Я остановилась у маленькой кофейни возле перекрёстка.

Взяла ещё один кофе. Первый был домашним и исключительно функциональным. Второй для удовольствия. Я не видела в этом противоречия. Человек вообще способен оправдать практически всё, если достаточно сильно этого хочет.

- Американо без сахара?

Бариста посмотрел на меня.

- Вы запомнили.

- Вы приходите сюда почти каждое утро.

- Это не повод меня изучать.

- Я работаю с людьми.

- Искренне сочувствую.

Он усмехнулся.

Я взяла стаканчик и вышла на улицу. До университета оставалось несколько кварталов.

Солнце. Ступени. Люди. Мой кофе. Чья-то громкая музыка из телефона. Университет встретил меня привычным шумом. Я любила это здание. Несмотря на сквозняки зимой. Несмотря на старые аудитории. Несмотря на то, что некоторые двери закрывались только после третьего удара плечом. В нём было что-то настоящее. Высокие потолки. Широкие лестницы. Окна, через которые осенью всегда проникал слишком яркий свет. Старые деревянные столы, исписанные поколениями студентов. Университет помнил слишком много людей, чтобы переживать из-за одного. Мне нравилась эта мысль. Она была одновременно печальной и успокаивающей.

В коридорах уже толпились студенты. Первокурсников всегда можно было определить сразу. Они выглядели одновременно счастливыми и испуганными. Как люди, которых позвали на праздник и забыли объяснить, что на самом деле это собеседование. Я поднялась на третий этаж. По дороге со мной поздоровались несколько знакомых студентов. Кто-то спросил, изменилась ли аудитория. Кто-то уже успел пожаловаться на расписание.

- Алина Сергеевна!

Я обернулась.

Егор стоял у окна.

- У нас сегодня правда первая пара?

- Нет, Егор. Я просто решила прийти сюда в понедельник утром ради атмосферы.

- Я надеялся.

- На что?

- Что расписание ошиблось.

- К сожалению, система образования ещё держится.

Он тяжело вздохнул.

- Очень жаль.

- Мне тоже.

Я пошла дальше.

В преподавательской пахло бумагой, кофе и чужими духами. Марина Викторовна сидела за столом и пыталась включить компьютер.

- Доброе утро, - сказала я.

- Если бы.

- Всё настолько плохо?

- Он не включается.

Я посмотрела на ноутбук.

- Попробуйте поговорить с ним ласково.

- Я уже угрожала.

- Тогда всё правильно.

Она вздохнула.

- Ты сегодня какая-то довольная.

- Я?

- Да.

- Мне просто светит солнце.
 - Осторожно. Это может быть симптомом.
- Я сняла пиджак.
- Какой у меня сегодня курс?
 - Третий.
 - Значит, настроение быстро пройдёт.

Марина Викторовна засмеялась. Я достала папку. Расписание. Список группы. Темы. Всё было привычным. До скуки. До комфорта. Я любила начинать семестр именно за это. Пока ещё ничего не успело пойти не так. Никто не пропустил три недели. Никто не попросил поставить зачёт «по семейным обстоятельствам». Никто не написал мне письмо в два часа ночи с темой:

СРОЧНО!!!!

и содержанием:

Алина Сергеевна, а что нужно делать?

Я открыла список группы. Знакомые фамилии. Знакомые имена. Почти все. В самом низу была новая строка. **Левин Максим Андреевич.** Я скользнула по ней взглядом. Перевёлся. Новый студент. Таких было несколько каждый год. Люди меняли университеты, факультеты, города, планы. Иногда меня удивляло, насколько легко некоторые люди меняли направление своей жизни.

Я едва могла выбрать, что заказать на ужин.

Аудитория была почти полной. Когда я вошла, студенты ещё разговаривали. Кто-то смеялся. Кто-то допивал кофе.

Один парень отчаянно пытался открыть ноутбук, который, судя по всему, тоже не был готов к новому учебному году. Я положила папку на стол.

- Доброе утро.
- Доброе утро, Алина Сергеевна.
- Звучит подозрительно бодро. Что вы задумали?

Несколько человек засмеялись. Я открыла журнал. Потом повернулась к доске. Написала тему.

ЛИТЕРАТУРА И ЧЕЛОВЕК.

Постояла несколько секунд.

- Итак. Начнём с простого вопроса. Зачем люди вообще читают?

- Чтобы сдать экзамен.
- Ещё!
- Чтобы выглядеть умными.
- Честный, но тоже неверный.
- Чтобы убить время.
- Вот за это литература вам спасибо не скажет.

Ответы посыпались один за другим. Я слушала. Спорила. Иногда перебивала. Потом дверь открылась. Я не сразу посмотрела.

- Извините за опоздание.

Мужской голос. Я подняла глаза. На пороге стоял студент. Высокий.

Тёмные волосы чуть растрёпаны, будто он либо бежал сюда, либо просто не считал расчёску достойной частью че-

ловеческой цивилизации. На плече висела сумка. В руках - книга.

Значит, всё-таки книга.

Эта мысль мелькнула и исчезла. Я посмотрела на часы.

- Вы опоздали.

- На три минуты.

- Удивительно точный подсчёт.

- Я старался.

В аудитории стало тише. Новый студент посмотрел на меня спокойно. Слишком спокойно.

- Ваше имя?

- Максим Левин.

Я посмотрела в журнал. Ну конечно.

- Проходите, Максим Андреевич.

- Спасибо.

- Я не разрешала садиться.

Он остановился.

Несколько студентов едва слышно засмеялись. Я закрыла журнал.

- Теперь разрешаю.

Он посмотрел на меня. Потом, кажется, едва заметно улыбнулся. И прошёл на последнее свободное место. Я продолжила занятие. Как будто ничего не произошло. И почти десять минут всё действительно шло спокойно.

Почти.

- Я не согласен.

Я медленно повернулась.

- Простите?

Максим сидел на последнем ряду. Разумеется.

- Я не согласен.

- Это я уже слышала.

- Тогда зачем спрашиваете?

Я посмотрела на него.

Он смотрел в ответ совершенно спокойно.

Вот это мне уже не понравилось.

- С чем именно вы не согласны?

- С тем, что литература помогает человеку понять себя.

- Интересно.

- Я надеялся, что так скажете.

- Не обольщайтесь.

- Даже не начинал.

Кто-то тихо засмеялся.

Я сделала вид, что не заметила.

- Хорошо, Максим. И что же, по-вашему, делает литература?

Он посмотрел на книгу, лежавшую перед ним. Потом снова на меня.

- Иногда мешает.

Я нахмурилась.

- Мешает чему?

- Жить спокойно.

В аудитории стало тихо. Я ожидала чего-то более глупого.

Более самоуверенного. Какой-нибудь фразы, которую можно было бы красиво уничтожить за тридцать секунд. Но ответ оказался не таким. К сожалению.

- Объясните.

Он пожал плечами.

- Человек может прочесть что-то в пятнадцать лет и потом годами думать, почему один совершенно незнакомый писатель понял его лучше, чем люди, с которыми он живёт.

Я помолчала.

- Это всё ещё помогает понять себя.

- Нет.

Он покачал головой.

- Иногда ты прекрасно понимал себя до того, как прочитал книгу.

- А потом?

- А потом тебе становится неудобно.

Вот теперь я посмотрела на него внимательнее. Совсем немного. Не потому, что он меня заинтересовал. Просто я не любила плохие аргументы. А этот, к сожалению, плохим не был.

- То есть литература разрушает комфортную иллюзию?

- Если повезёт.

- А если не повезёт?

Он чуть наклонил голову.

- Тогда вы просто читаете плохую книгу.

Я улыбнулась. Против воли. Совсем чуть-чуть. И сразу за-

метила, что он это увидел. Чёрт.

- Хорошо, Левин, - сказала я. - Допустим, я принимаю вашу версию.

- Это многое для меня значит.

- Не перебивайте.

- Молчу.

Он действительно замолчал. Я продолжила занятие. Но теперь время от времени с последнего ряда доносились замечания. Иногда раздражающие. Иногда действительно умные. Это было ещё хуже. С глупыми студентами было проще. Ты говоришь. Они не понимают. Ты объясняешь. Они всё равно не понимают. В конце концов все расходятся с чувством выполненного долга. Но умные студенты... Умные студенты имели привычку задавать вопросы. А вопросы всегда были опаснее ответов. К концу пары я уже знала, что Максим Левин любит спорить. Не знала, зачем он перевёлся. Не знала, почему постоянно держит при себе книгу. Не знала, что именно читает. И совершенно не хотела этого знать. Он был одним из тридцати двух студентов в аудитории. Ни больше ни меньше. Когда прозвенел звонок, я закрыла журнал.

- На сегодня всё.

Студенты начали собираться. Кто-то сразу направился к двери. Кто-то задержался. Максим тоже поднялся. Я не смотрела на него. Во всяком случае, старалась. Он прошёл мимо моего стола.

- Алина Сергеевна.

Я подняла голову.

- Да?

- Вы всё-таки согласились со мной.

- Я сказала «допустим».

- Для первого дня неплохо.

Я несколько секунд смотрела на него.

- Максим.

- Да?

- У вас есть следующая пара?

- Есть.

- Тогда советую поторопиться. Вы же не хотите снова опоздать.

Он усмехнулся.

- Увидимся.

Я нахмурилась.

- В четверг.

- Я это и имел в виду.

И ушёл. Я осталась одна в постепенно пустеющей аудитории. За окнами всё ещё светило солнце. В коридоре шумели студенты. Где-то хлопнула дверь. Семестр только начинался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.